

Андрей Курков

Прия́тель покойника

Часть сборника
Прия́тель покойника (сборник)

Андрей Курков

Приятель покойника

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119340

Приятель покойника: Фолио; Харьков; 2008

ISBN 978-966-03-4073-2

Аннотация

«Если б я курил – было бы легче после каждого тихого, со стороны невнятного и непрочитываемого скандала выкуривать по несколько сигарет, и дым, никотин, становящийся на время не то чтобы смыслом или запахом жизни, но чем-то отвлекающим, как воскуриваемый в свою собственную честь фимиам, помогал бы мне в очередной раз увидеть в дальнейшем моем существовании радость. Но я не курил с детства и думал, что начинать курить в тридцатилетнем возрасте – это уже точно проявление детства или глупости...»

Ранее произведение выходило под названием «Милый друг, товарищ покойника».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Курков

Приятель покойника

Глава 1

Если б я курил – было бы легче после каждого тихого, со стороны невнятного и непрочитываемого скандала выкуривать по несколько сигарет, и дым, никотин, становящийся на время не то чтобы смыслом или запахом жизни, но чем-то отвлекающим, как воскуриваемый в свою собственную честь фимиам, помогал бы мне в очередной раз увидеть в дальнейшем моем существовании радость. Но я не курил с детства и думал, что начинать курить в тридцатилетнем возрасте – это уже точно проявление детства или глупости.

Дождь никак не начинался. Вечерело. Жена закрылась в ванной, но это было обычным принятием ванны. Я тоже иногда закрываюсь в ванной, хотя с чего бы я должен стесняться своей жены? Вот тут и вопрос, проясняющий причину, – мы давно уже далеки друг от друга. Вечером, ложась в постель, мы раздеваемся в темноте, а днем или при свете, принимая ванну, мы стесняемся своей наготы. Нагота здесь – это ранимость. Жена бы то же самое сказала. Но и я раним, и чаще всего раним ею. Мы уже не говорим об этом, хотя раньше пытались все выяснить и улучшить словами.

Казалось бы – осень, время уходящего тепла, начало сезона сохранения прошлого тепла во имя грядущей зимы, чтобы не замерзнуть. Время заклеивания окон и балконных дверей. Когда еще сама природа так способствует мыслям о восстановлении или укреплении уюта, физического и душевного. Но что сентябрь для нас? ничего. Мы молчим, разговариваем междометиями. Каждый сам для себя варим кофе и жарим яичницы.

Пора было это заканчивать. Уйти некуда – однокомнатную квартиру пополам не поделишь.

О любви прыгать с вышки в воду вспоминалось всякий раз при выглядывании из окна нашего восьмого этажа. Но это не давало необходимого импульса для прыжка. Я не был рожден самоубийцей. Жизнь вне, за пределами моего быта, мне очень нравилась. С каким-то легким замиранием в груди я проходил иногда вечером по Крещатику, пытаюсь разглядеть лица вечерних девушек, ожидающих клиентов на скамеечках или у фонтана под кинотеатром «Дружба». В полумраке, в искусственном городском освещении они выглядели привлекательно, как изящно нарисованные, многообещающие силуэты, обычно бросающие какой-то карандашный взгляд с книжных мелодраматичных форзацев и обложек. Я легко представлял себя их клиентом или даже приближенным, другом. Но представлять себя – это еще далеко не быть. Мне многого не хватало – решительности, денег, свободы. Но они, как первая ласточка сошедшего с экрана американ-

ского образа жизни, дарили надежду на то, что и другие сладкие американские картинки оживут и замельтешат вокруг меня, тут, в Киеве. И я окажусь захваченным этим мельтешением, постепенно превращающимся в жизнь и вытесняющим жизнь прошлую, во всем временную и надоевшую каждой своей деталью, каждой составной частью, каждой газетной статьей, подробно ее же описывающей.

Глава 2

Будучи студентом иняза, я любил дружить с иностранцами. От них я учился и языкам, и какому-то другому пониманию жизни. Они так отличались от нас, как может отличаться белый гриб от ежика. Внутреннее наше различие могло сравниться лишь с каким-либо явным внешним, вроде вышеприведенного примера. У них было другое детство, другие игры. Они мне и рассказали об одной игре, которая в какой-то момент завладевает уже не первым и не десятым поколением детей, не знавших советского детства. Игра простая – надо составить цепочку из знакомых, которая выведет тебя, к примеру, к королеве Англии или к Маргарет Тэтчер – она в то время была более актуальна. Выходило, что почти каждый играющий мог через трех-четырёх связанных между собой и с ним людей выйти на английского премьер-министра. Принцип до смешного простой – я знаю его, он знает ее, она знает еще кого-то, кто лично знаком с Ним или с Ней. Я пробовал тогда сделать то же самое и выйти таким образом на Брежнева или на Щербицкого. Не получалось. Цепочка просто не начиналась. И вот теперь вдруг, должно быть, из-за отчаянности моей жизни и моего быта, я понял, как надо играть в эту игру здесь, на нашей земле. Надо искать выход на убийц. Их много, они среди нас и некоторые из них особенно и не скрывают род своих занятий. Лет де-

Святая назад я знал как минимум двоих, уже отсидевших свое убийц – нормальных, общительных и даже готовых прийти на помощь. Правда, тогда они, убийцы, были другие – в них было больше романтики. Сейчас любые отношения строятся на деньгах и убийство стало для некоторых хорошо оплачиваемой профессией. Даже слово новое привнесли из английского – киллер. Это было похоже на продолжение американской традиции улучшения имиджа и названия неквалифицированных и непрестижных профессий. Помню, что уборщика улиц, или попросту – дворника – в Америке переименовали в инженера по санитарному состоянию городской среды. Но там причина для этого переименования была проста и понятна – придать дворникам больше самоуверенности и самоуважения. А у нас вышло по-другому. Просто получилось, что убийца высшей квалификации, работающий исключительно на заказах, получает звание киллера. Ну а тот, прошлый тип убийцы – бытовой, романтический – по пьянке и из ревности так и остается простым убийцей. Таких и ловят, и садят, в то время как киллер остается птицей неуловимой и невидимой.

Эти размышления сами вывели меня на вопрос, пытавшийся уже много раз достучаться из моего подсознания. Я ведь уже несколько лет искал выход из своей тупиковой жизненной ситуации. Но искал его больше в воображении, больше в своих фантазиях. А теперь выход напрашивался сам – выход не из ситуации, но из самой жизни. Для самоубий-

цы я был слишком жизнелюбив, но для жертвы я был то что надо. Прекрасный пример несправедливости судьбы: умный мужчина в расцвете сил и способностей да и еще убитый по чьему-то заказу! Репутация жертвы заказного убийства зашекетала мне нервы. Я представил себе, как будут озадачены мои многочисленные знакомые, сразу решив, что они обо мне практически ничего не знали, ведь тот я, который был им знаком, с которым они пили вино и кофе, не мог и не должен был быть замешан в дела, за которыми следуют «разборки» или заказные убийства. Я представил себе, как всех их будет вычислять уголовный розыск, допрашивать, задавая десятки «крутых» вопросов. «У него были враги?», «Чем он занимался?», «Кто мог быть заинтересован в его смерти?» и так далее. Оставалось найти недорогого киллера, деньги на его гонорар, и уж тогда спланированное мною идеальное убийство станет очередной из неразрешимых загадок. Эффектный конец бестолковой жизни меня прельщал. А у загадочных убийств есть еще одна привлекательная черта – о них часто вспоминают и в газетах, и в книгах, вспоминают с подробностями и с именем жертвы – так что у меня будет реальный шанс остаться в памяти народной если не на века, то во всяком случае – надолго.

Глава 3

Осень запаздывала. Или у природы не хватало денег на красные и желтые краски, словно природа копировала печальное финансовое положение страны. Правда, стало прохладнее и по вечерам немного дождало. Но яркой картины увядания природы не получалось. Люди же увядали на глазах, а сам я – на собственных глазах в зеркале. Друзья звонили, чтобы сообщить, как им плохо. Я в ответ молчал, вынашивая, но скрывая от всех свою драгоценную идею идеального выхода из жизненного тупика.

Жена стала позднее обычного возвращаться домой, иногда за полночь. Раздевалась она в темноте и ложилась на свой край дивана под свое одеяло. Каждый ее приход будил меня и раздражал. А даже если и не будил, то раздражал еще сильнее. От нее не было никакого тепла, и сама мысль о женщине, не приносящей тепла, меня злила, особенно, когда я думал конкретно о ней, о той женщине, что была рядом.

Вечером в среду я сам решил задержаться в центре. У меня было немного денег и имелось довольно конкретное решение – как с ними поступить. Проще говоря – хотелось выпить. Но не соло, а как минимум дуэтом. Идеальная святая цифра «3» еще больше порадовала бы меня, если б, конечно, все трое были близкими знакомыми. Случайных попутчиков к станции «Выпивка» я не любил. К семи я приехал

на Контрактовую площадь, где в одном из коммерческих магазинчиков замечал пару раз через стекло своего бывшего одноклассника Диму Самородина. Не встречались мы с ним со школьного времени, да и тогда, когда я наблюдал за ним через витрину магазинчика, – меня он не видел, обслуживая очередных покупателей. Поэтому казалось мне, что внезапная встреча для него будет радостной, тем более, что в школе мы ладили и ничто так не объединяет людей, как общее прошлое, будь то школа или тюрьма.

Мои размышления подтвердились. Как только я зашел в магазинчик походкой задумчивого покупателя, он меня узнал и окликнул. Между делом обслуживая покупателей реальных, он задавал мне массу вопросов о наших бывших одноклассниках, интересуясь, кого и когда я видел последний раз и кто что делает. Порадовать его я особенно не мог. За все годы у меня произошло всего-то пять-шесть случайных «транспортных» встреч с друзьями детства, о чем я ему и рассказал.

– Ты подожди полчаса, – попросил он. – Шеф заедет за выручкой, и тогда я закроюсь и можем здесь посидеть...

Я с радостью кивнул. Но ждать в магазине не хотелось, и я вышел прогуляться по Подолу.

Яркие огни, неоновые линии и буквы глуповатых названий кафе и ресторанчиков разгоняли вечернюю темень. Выйдя из света встречно-направленных реклам и огней, я уселся на скамейке возле памятника первому украинско-

му буддисту Григорию Сковороде. На соседних скамейках, пользуясь неосвещенностью памятника, целовались счастливые силуэты. Я один ни с кем не целовался возле памятника и из-за этого почувствовал свою ущербность. Чем я плох? Я еще молод, симпатичен, не толст. Меня еще можно считать привлекательным. Конечно, дело во мне. Ни одна женщина не подойдет ко мне первая с вопросом «Разрешите вас поцеловать?» Что со мной? Ведь еще лет пять назад я любил сам ошарашивать женщин подобными вопросами. А теперь?

Когда я вернулся в магазинчик – покупателей уже не было.

– Порядок, – сказал Дима. – Выручку забрали. Можем закрываться.

Он занавесил окна-витрины. Закрыл тяжелую металлическую дверь, и нас словно отрезало в этом магазинчике от окружающего мира, мы словно оказались в кабине космического корабля, только, судя по всем стоящим на полочках бутылкам, консервным банкам и прочему, это был как минимум западноевропейский корабль.

Дима усадил меня за пластмассовый белый столик, а сам отошел к полочкам.

– Что пьем? – спросил он.

«Все вокруг народное, все вокруг мое», – подумалось мне.

– Давай, не стесняйся! – подбадривал меня Дима, стоя у шеренги бутылок. – Я угощаю. Мне здесь в виде премии положены две бутылки в день, а если больше, то плачу со скидкой...

– Тогда виски, – сказал я.

Виски мы пили, как другие пьют водку, маленькими хрустальными стопочками в один глоток. Стопочки для этого временно сняли с продажи.

– Женьку Долгого я последний раз видел года три назад, – говорил Дима. – Он мясником работал в гастрономе у Оперного. А Чемерис в Волгоград уехал. Он полысел страшно за последнее время...

– А я как-то Галю Колесниченко встретил... – поделился я. – Тут же, на Подоле...

Допив виски, решили попробовать джин.

– Вообще-то его с тоником пьют, – говорил, открывая бутылку, Дима. – Но тоник сегодня весь раскупили. Ничего, он и так вкусный. Помнишь Мельничука из Б-класса?

– Помню.

– Ему два года назад вышку дали, но потом на пятнадцать лет заменили.

– А за что? – поинтересовался я.

– Уголовщина. У какого-то челнока выкачивал пять тысяч баксов и для остротки бросил ему днем в окно гранату, а там теща с малым была. Два трупа...

– Да, – протянул я. – Грязно.

Разговор перешел на созвучные теперешнему времени уголовные истории и ужасы. Мы открыли кипрские маслины и банку камчатских крабов. Под такой разговор пилось и закусывалось отменно. Круглое лицо Димы покраснело, глаза

горели. Думаю, что и я выглядел не трезвее. Между делом поговорили о доходах – слово «зарплата» уже вышло из обихода. Дима заколачивал триста баксов плюс премиальный товар, который обычно выпивал и съедал в кругу друзей. Я, увы, материальными достижениями похвастаться не мог.

– Мой шеф тысяч пять-шесть в месяц имеет, у него еще пять точек на Подоле и один обменный киоск, – рассказывал Дима. – Но я ему не завидую...

– Слушай, а ты не знаешь, сколько киллеры заколачивают? – спросил я.

– А ты что, «Ведомости» не читаешь? В зависимости от важности объекта и пять тысяч, и десять тысяч баксов...

– А если объект не важный?

– А кому надо убирать такой объект?

Я пожал плечами.

– Ну, вроде как муж хочет убрать любовника своей жены... – предположил я.

Дима помолчал минутку, потом тоже пожал плечами.

– Это мелочевка, – сказал он. – Любовники ходят без охраны... Должно быть дешево. Может, баксов пятьсот... но серьезный профи за такую мелочь не возьмется... По крайней мере те, кого я знаю...

Я тяжело вздохнул и налил себе и Диме джина. В бутылке оставалось еще на пару стопочек. Алкоголь уже плыл впере-мешку с кровью по венам и артериям, но в голове было светло, как днем.

– У твоей что, любовник есть? – спросил вдруг Дима.

Я кивнул, скорее автоматически, чем в знак согласия с предположением Димы. Но, в принципе, сомневаться в наличии любовника у моей жены было бы глупо.

– Конечно, есть, – подкрепил я свой кивок словами.

– У меня есть один парень... В общем-то, профи... – Дима заговорил тише, и я понял, о чем он говорит. – Если хочешь, я с ним посоветуюсь... Он порядочный, от близких даже аванса не берет... У тебя есть бабки?

Я снова вздохнул.

– Сейчас неважно с деньгами...

– Я тебе могу одолжить, это же дело серьезное... Вопрос семейной жизни... Так что, поговорить с ним?

– Да, – скоропалительно выдохнул я. И в подкрепление своей решимости еще разок кивнул.

Глава 4

Два дня спустя вечером я зашел в магазинчик к Диме. Покупателей не было. Видимо, еще днем зависшая над Подолом морось, время от времени переходившая в дождь, разогнала людей по домам. Он сидел в ярко освещенном аквариуме магазинчика за прилавком и читал книгу.

– Привет, – крикнул я, заскочив в открытую настежь дверь. – Что читаем?

– А что читают в такую погоду? Конечно, Чейза. Как жизнь? согреться не хочешь?

Я кивнул.

Он вытащил из-под прилавка початую бутылку лимонного «Кеглевича», поставил передо мной хрустальную стопочку и наполнил ее. Налил и себе. Мы как-то по-деловому опрокинули стопки. Водка пошла удивительно мягко, словно в ней и градусов не было.

– Дамская! – уловив мое выражение лица, пояснил Дима. – Подожди, я закроюсь и тогда поговорим.

Он закрыл дверь, занавесил окна-витрины.

– Все олрайт! – усевшись на свое место за прилавком, сообщил он мне. – У него только ребенок родился... Он сам сказал, что ни в какие серьезные дела лезть сейчас не хочет... Так что твой любовник как раз к месту.

– И сколько? – спросил я.

– Хотел семьсот, но я с ним поторговался... ну и обещал, что ты сам подробно все подготовишь.

– Что подготовлю? – испугался я.

– Ну наводки разные. Когда и где он бывает. Может, фото сделаешь...

Я задумался о фото и вдруг сообразил, что в этот момент я действительно думал о некоем абстрактном, мною никогда не виденном любовнике моей жены. «Господи! – мысленно воскликнул я. – Речь идет ведь обо мне, о моей фотографии, о тех местах, где я бываю!..» Немного успокоившись и списав нерасторопность своей мысли на плохую погоду и «дамского Кеглевича», я заново включился в организованную мною самим игру.

– Так как? – выждав паузу, снова спросил Дима.

– Насчет наводок?

– Да.

– Хорошо. И фото будет. Так сколько в конце вышло?

– Четыреста пятьдесят баксов. Мы сначала на пятистах сошлись, но я почувствовал, что могу его еще немного дожать. Так что с тебя бутылка!

– А когда я с ним встречусь?

– Ты что! Зачем тебе с ним встречаться? Он тебе позвонит завтра вечером, а все необходимое как-то перешлешь ему.

После делового разговора другой разговор уже как-то не завязывался, и мы, заполняя паузы между стопками анекдотами, просидели еще с полчаса, прежде чем разойтись.

Когда я вернулся домой, жены еще не было. Я заварил себе чаю. Глянул на часы – было уже начало первого. В доме напротив светилось лишь несколько окон. На улице царствовала сырость. В желтых пятнах уличных фонарей блестел асфальт. Мне почему-то показалось жарко на кухне, и я открыл окно. Высунув голову, смотрел вниз на пустынную улицу. Смотрел минут пять, пока перед нашим парадным не остановилась старенькая красная иномарка, из которой вышла моя жена и какой-то мужик. Я уже было испугался, что они сейчас оба зайдут в парадное, но этого не случилось. Они поцеловались под освещавшим вход в парадное фонарем, и она зашла, а мужик, снова сев в свою иномарку, уехал.

«Вот, – подумал я, все еще глядя на вновь опустевшую улочку. – Должно быть, о нем я думал в начале сегодняшнего разговора с Димой. О его фотографии. Может, взять и переключить все это действительно на него? но тогда в этом не будет ничего оригинального. Банальная ревность. Да еще и неоправданная, ведь я уже давненько не люблю свою жену, к тому же с полной взаимностью. Нет, пускай живет, или точнее – пускай живут и радуются. Хотя, думаю, мое заказное убийство и на них подействует, и еще неизвестно как».

Скрежетнул ключ в двери.

– Ты еще не спишь? – равнодушно, но с некоторой долей удивления заметила моя жена.

– Чай пил и в окно глядел, – ответил я.

На это она уже не ответила. Прошла в комнату.

Я подождал, пока она выключила там свет, и тоже пошел спать.

Глава 5

Димин знакомый позвонил на следующий день вечером. Представился Костей. Дал мне два дня на фотографию и на «подготовку советов». Потом обещал позвонить и сообщить, как все это ему передать.

Утром я достал коробку из-под югославских ботинок, давно уже изношенных и выброшенных. В этой коробке хранились мои фотографии, начиная с традиционных голых младенцев и дальше, без всякого хронологического порядка, вперемешку. Но даже самые поздние из них были сделаны лет пятнадцать назад, в теплой тинейджерской компании. После этого, видимо, никому я не был особенно нужен или же просто интерес к фотографированию у моих друзей пропал. Я отложил две фотографии, где я был изображен крупным планом. На одной – в Пуще-Водицком парке, с бутылкой белого портвейна, на второй – на пикнике где-то в Святошино, у костра, горящего черно-белым огнем. Подойдя к зеркалу и сравнив себя сегодняшнего с собой фотографическим, я понял, что передавать такие фото можно только в том случае, если я не хочу быть узанным и найденным. Что же было делать? Где-то еще лежали восемь фотографий три на четыре, которые я сделал года три назад в несбывшейся надежде пойти на водительские курсы и получить права.

Выпив растворимого кофе и запихнув фотографии обрат-

но в коробку, я направился к ближайшей фотомастерской.

Старик-фотограф замучал меня претензиями к моему подбородку.

– Вы хотите быть красивым, или для чего вы фотографируетесь? – наконец вырвалось у него, когда я что-то недовольное пробурчал.

Наконец, щелкнув аппаратом на треноге, он попросил прийти за снимками через три дня.

– Извините! – взмолился я. – Мне они нужны завтра. Обязательно завтра.

Он пожал плечами.

– Очень нужны?

– Да.

– Ну приходите завтра после обеда. Но что-нибудь принесите за срочность. Я ж деньгами не прошу – кому они сейчас нужны?!

Не возвращаясь домой, я пошел на трамвайную остановку. Решил поехать в центр и пошляться. Именно пошляться, как я, в принципе, шлялся всю жизнь. Без особой цели, не спеша, заходя в кафе и разыскивая в очереди знакомых.

Когда я уже был на Крещатике, понял подсознательную цель своего сегодняшнего шляния – мне нужно было «подготовить советы» для Кости. То есть сообщить ему, в каких местах и в какое время дня его будущий клиент бывает. Стало быть, надо было решить, в каких кафе чаще всего бываю я. Но в то же время определить эти кафе и потом ходить по

ним, ожидая выстрела в спину или в затылок, было занятием не из приятных. Психомазохистом я не был. Надо было придумать для себя что-то более гуманное.

Я поднялся на Большую Житомирскую и опустился в кафе-подвальчик возле хлебного. Там было сумрачно и безлюдно.

Взял кофе и стал думать.

После третьей чашки мысли выстроились в боевой порядок и штурмом взяли поставленную задачу. Я даже сам загордился ими, словно они никакого отношения к моей голове не имели. Все гениальное просто – это было еще раз доказано. Я знал, что надо было делать, и наступившее в результате этого облегчение даже ослабило действие кофеина на организм. Я расслабился.

Мне оставалось теперь только выбрать кафе, в котором я хочу быть убитым, и время для этого эффектного события. Конечно, убивать в публичном месте – дело трудное. И исчезнуть потом, уйти незамеченным – тоже задача не из легких, но это уже не мои проблемы. Он профессионал – пусть это докажет. Хотя если его таки схватят и выяснят, что он просто убил любовника чьей-то жены, моя посмертная репутация сильно пострадает и смерть моя станет более анекдотичной, чем трагической. Нет, надо было создать ему все условия, чтобы он ушел незамеченным. Чтобы никогда не нашли моего убийцу и никогда не раскрыли причину преступления. Но как – нужна еще одна чашка кофе.

И я снова подошел к стойке.

– Снова двойную? – спросила «кофейница» Валя.

– нет, простую.

Я снова пил кофе, только в этот раз положил туда два кубика сахара вместо обычного одного. И снова думал, точнее, перебирал в мыслях все знакомые мне кофейни, выбирая ту, в которой вечером перед закрытием бывает поменьше посетителей. В этом подвальчике, в принципе, под вечер редко бывает больше двух-трех кофеманов, но здесь такие крутые ступеньки, что, убегая, можно себе шею свернуть.

Я поймал себя на мысли, что кроме всего прочего еще и о здоровье этого Кости забочусь, хоть и не видел его ни разу и не уверен, что в последний момент успею его увидеть.

Глава 6

Старик-фотограф меня не подвел. И фотография вышла ничего, просто портрет любимого актера. С едва прочитываемой и из-за этого какой-то загадочной улыбочкой и умным прищуром, в котором было что-то ленинское.

За окном шел вечерний дождь. Я сидел на кухне и наслаждался одиночеством. Пил чай из шиповника. Думал о сюрпризе, который я готовлю для своей жены. И совсем не думал о том, что наши отношения или их отсутствие перешли на новую ступень – она не ночевала дома прошлой ночью и только утром забежала, чтобы взять что-то или переодеться. Это было рано утром – я еще спал и больше слышал ее приход, чем видел.

В ее отсутствии сейчас было что-то райское, что-то гуманное по отношению ко мне. И этот вечерний дождь не был бы таким сентиментальным, будь она рядом или в комнате. Есть же люди, чье отсутствие вызывает радость или даже провоцирует ощущение счастья. Плохо, когда таким человеком оказывается жена.

Раздавшийся телефонный звонок не спугнул уютную атмосферу вечера. Звонил Костя.

Узнав, что все готово, попросил следующим утром положить конверт с фотографией и «наводками» в абонентский ящик номер триста тридцать один в двадцать пятом отде-

лении связи, которое находилось в самом начале Владимирской, почти у Андреевской церкви.

После телефонного разговора я почувствовал сильную усталость, свалившуюся на меня внезапно и неожиданно. Захотелось спать. Вечерний дождь зазвучал убаюкивающе. Но перед тем как идти спать, я все-таки заставил себя взять календарик и листок бумаги. По календарикю я выбрал день своего будущего убийства – следующий четверг. К этому дню недели я имел особые чувства. Когда-то в четверг я познакомился с одной девушкой и тут же пригласил ее в кафе. Дело было на Подоле, и после этого на протяжении счастливого года или чуть дольше мы с ней называли это кафе «четверговским». Оно располагалось в трех минутах ходьбы от Контрактовой площади. Как раз по трамвайной линии, ведущей к речному порту. Кафе, не имевшее и до сих пор не имеющее названия, сумрачное, с плохим освещением и двумя небольшими залами. Конечно, можно было бы выбрать «место преступления» и посимпатичней да и попримечнее. Но я остановил свой выбор на этом кафе.

На листке бумаги я написал: «Четверг, 12 октября, 18.00, кофейня по ул. Братской возле остановки тридцать первого трамвая в сторону Почтовой площади». Положив фото и записку в конверт, я с чувством исполненного долга лег спать.

Глава 7

Вторник

Утром я нашел на нужной почте комнату с абонентскими ящичками и бросил конверт в триста тридцать первый из них.

Жить мне оставалось два с половиной дня, и надо было решить, как их прожить, ведь оставшееся время моей жизни было уже настолько ограничено, что при небольшом усилии исчислялось в точном количестве секунд, не говоря уже о минутах и часах.

После почты возвращаться домой не хотелось. Погода стояла хорошая – наступила, видимо ненадолго, «золотая осенняя пора», желтые и красные листья, устойчивая бодрящая прохлада и отсутствие ветра при совершенно голубом небе. Если бы в раю наступала осень, она была бы именно такой.

По Андреевскому спуску я медленно пошел на Подол. Галереи и магазинчики только открывались. Самые громкие звуки на спуске порождали в этот момент мои туфли, ударяясь о булыжник мостовой своими дешевыми пластиковыми подошвами.

Не думая особенно о конкретном своем пути, я оказался в конце концов на Братской в том самом «четверговском» кафе. Благо, оно уже работало, и какой-то парень студенческого вида, забившись в угол, пил свой первый, должно быть, на сегодня кофе. Я тоже взял половинку и уселся за столик в

другом углу. И вот тут уже задумался об оставшихся у меня для жизни минутах и часах. Захотелось взять лист бумаги и ручку и составить точный график или план дел и встреч. И чтобы не так, как обычно, чтобы хотя бы половину из этого плана вычеркнуть в знак исполнения. Но бумаги у меня с собой не было. Правда, в кармане пиджака лежала ручка.

Я посмотрел на парня, увидел у него дипломат.

– Извините, – обратился я. – У вас не будет листка бумаги?

Молча он достал из дипломата общую тетрадь и выдрал мне двойной лист.

Я уже положил листок перед собой, собираясь с мыслями, а он все еще копался в своем дипломате среди книг и тетрадей.

«Вторник, 10 октября», – написал я.

Потом глянул на часы. Половина одиннадцатого.

Что я могу сделать сегодня? Сейчас? Утро казалось бесполезным временем. Да и подумав о знакомых и друзьях, которых хотелось бы увидеть, я вдруг понял, что желание мое рождено сентиментальностью момента. Не было ничего важного в этих возможных встречах. Попрощаться? Но какой смысл – ведь я не должен знать о своей гибели! А встретиться как обычно, чтобы поболтать ни о чем, – такие встречи даже мне уже надоели. Может, встретиться с Ниной, с женщиной, которую я полуоставил перед своей свадьбой. Мы, правда, уже тогда были больше друзья, чем влюбленные, хотя это нам не мешало вести себя иногда, как ведут любовники.

ки. Это была какая-то затихшая и затухшая страсть, которую ни она, ни я не хотели забыть. И вероятно, потому, что мы помнили о ней, она и просыпалась иногда, бросая нас в объятия друг другу. После этого мы спокойно обсуждали за чаем ненормальность наших отношений и обещали попробовать в дальнейшем только дружить. Но все повторялось снова и снова. И в конце концов мы уже не виделись, а только перезванивались, но все реже и реже. Потом я видел ее случайно в обнимку с красивым и самоуверенным мужиком. Они выходили из венгерского кафе «Бон-Бон». Я тогда понял, что эта часть моей жизни окончилась. И сразу возникло какое-то успокоение. Я успокоился за нее. И перестал звонить ей, думая, что ей сейчас это не надо. Она тоже больше не звонила.

«Позвонить Нине», – написал я на листке и отпил еще кофе.

Листок раздражал меня своей белизной, своей незаполненностью. Все мои желания, вся моя внезапно возникшая бережливость к оставшемуся в жизни времени потеряла всякий смысл. Какие встречи? Какие звонки? Я никому не был нужен и мне никто не был нужен тоже. Это стало вдруг настолько очевидным, что мурашки пробежали по спине. Эта очевидность моей никчемности и ненужности в этом мире привела меня и к более положительным мыслям – мыслям о том, что принятое мною решение о собственном убийстве было единственно верным. Я взял еще кофе и уже хладнокровнее смотрел на ситуацию. И вычеркнул с листка этот не

нужный Нине звонок. Теперь я был полностью свободен и мог посвятить оставшееся время только себе и никому больше.

Парень, сидевший в противоположном углу, поднялся и вышел, и я остался в кафе один. Барменша ушла в подсобку. Из-за темного интерьера в кафе было сумрачно. А на улице светило бесполезное в это время года солнце. Хотя, конечно, миллионы граждан радовались ему. Граждане привыкли радоваться бесполезным вещам. Я тоже.

Вечером в четверг я сяду поближе к выходу. Так будет удобнее.

Глава 8

Среда

В среду утром за окном комнаты плескался туман. Я, поднявшись на ноги, сразу же подошел к окну. Потом оглянулся, понял, что жена снова не ночевала дома. Это объяснило мое бодрое самочувствие. Предстояло как-то заполнить этот последний полный день моей жизни. Бродить по туману не хотелось, хотя туман, должно быть, был делом сугубо утренним.

На кухне я поставил чайник на плиту и уселся за стол.

«Вот и жизнь кончается», – подумал я и почувствовал в своей внутренней интонации какую-то подделанную старость. Словно с каждым днем, приближавшим меня к избранному четвергу, я становился все более неизлечимо больным.

Пить чай с туманом за окном – в этом было что-то от дорогой скандинавской лечебницы для неизлечимо больных, или это как-то Бергман прорезался в ассоциациях.

Снег в этом году выпадет без меня.

А вдруг именно грядущая зима будет бесснежной, а я этого не увижу?

Не велика потеря, впрочем. Это только сэкономит городу бюджет, обычно затрачиваемый на уборку снега.

Мысли мелочились в моей голове. Ничего высокого, ни-

чего истинно философского. Словно и сам я всегда был мелким, неглубоким человеком. И теперь уж вправду единственное, что могло меня возвысить, если уж не в моих собственных глазах, то в чужих, это насильственная смерть. Звучит глуповато. Видимо, хороший сон и мирное пробуждение с последующим созерцанием первобытно чистого тумана пробуждают глупость или же по крайней мере вызывают банальнейшие мысли.

Неплохо бы в последний день написать несколько писем давно забытым знакомым. Что-нибудь о планах на будущее. Это и отвлечет от мыслей о четверге, и привнесет трагизма в день пятничный.

Не допив чай, я сходил в комнату за ручкой и бумагой.

«Дорогая Таня, – писал я в Москву молодой разведенной женщине, отдохавшей когда-то в нашей компании в Крыму, после чего мы пару раз обменялись теплыми письмами. – Извини, что долго не писал. Жизнь в последние два года потихоньку разваливалась и вот наконец развалилась окончательно. Теперь у меня нет ни работы, ни семьи. Я вышел на стартовый «ноль», и передо мной опять все пути открыты. Молодым везде у нас дорога. О будущем начну думать через пару дней, а пока грущу о прошлом. Но грущу неискренне, а скорее из-за глубоко засевших в генах православных традиций. Даже не грущу, а скорблю. Это слово больше подходит. Думаю, что когда отскорблю, отгрущу и отплачу, то есть после девяти и сорока дней (или часов) начну собираться в

Москву. Был бы очень рад увидеться, вспомнить о былом, о друзьях-товарищах. Будет время и желание – пиши. Адрес на конверте. Целую».

Письмо написалось удивительно легко, на одном дыхании. Думал было еще с десяток накропать, пока туман и так легко пишется, но вовремя остановился.

Телефон зазвонил. Пришлось вернуться в комнату.

Звонила жена. Сухим голосом предупредила, что заедет на машине со своим коллегой, чтобы забрать свои вещи.

– А машина у коллеги красного цвета? – спросил ее я.

Она повесила трубку.

Не желая в свой последний день встречаться с женой и ее «коллегой», я быстро оделся и вышел на улицу.

Туман все еще заменял воздух. Медленно проезжали мимо по дороге осторожные машины, нащупывая путь желтыми фарами. Люди проходили мимо тоже как-то странно, возникая словно из ничего и тут же растворяясь в туманном молоке. Среда начиналась мистически, словно из этого тумана вот-вот должен был возникнуть другой, новый мир, в котором всем будет хорошо и куда смогут уйти все те, кто не прижился и не устроился в старом мире.

Я брел в сторону центра. Хотелось пройти как можно более долгий путь в тумане. Дойти до Подола, до Братской. Может, и не было никакого смысла в этом, но, помня челюскинцев и время героев и живя в этом совершенно противоположном времени, хотелось иногда совершать невидимую

другими имитацию нормальной героической жизни. И вот в последнюю среду своей жизни я шел в тумане из одного конца города в другой. Шел, чтобы дойти и взять в награду за переход чашечку кофе. Тоже одну из своих последних.

Переход длился два часа с лишним. И честно говоря, уже зайдя в кафе и подойдя к стойке, я не почувствовал никакого торжества момента. Движение в тумане лишает человека ощущения пространства, а значит, лишает его и возможности оценить пройденный путь. Так оно и было.

Тусклый свет горел в кафе, а на улице было серо. Я уселся в угол за свой любимый столик. Похоже, что я был сегодня первым посетителем. «Кофейница» невидимо сидела за высокой венгерской кофеваркой и читала книгу. Отвлеклась она только на мгновение, чтобы сделать мне кофе. И снова уселась.

В кафе вошла девушка в кожаной кепочке и коротковатой темно-серой куртке, похожей на летнюю куртку старого образца. В руке у нее была большая папка для рисунков, а за плечом кожаный рюкзачок. Взяв кофе, она уселась по другую сторону прохода.

Мне очень захотелось поговорить с ней, познакомиться. Но ее сосредоточенность на своих мыслях остановила меня.

Я допил кофе и вышел из кафе. Пошел бродить дальше. В туман. Мои ощущения тумана, конечно, не были такими наивно-радостными и трогательными, как у Ежика-В-Тумане. Но все-таки бродить было легко, и мысли бродили в голове

разные. Похоже было, что мой последний день окажется самым скучным в жизни, но это меня уже не огорчало.

Глава 9

Четверг

К вечеру среды туман немного рассеялся или же, слившись с темнотой, стал менее заметным. Когда я вернулся домой – настроение приподнялось. Я заметил отсутствие множества мелких предметов и деталей быта, унесенных бывшей женой. Она словно убрала после себя – и будильник на одной батареечке исчез, и всякие шкатулочки, щетки для волос. В общем, квартира показалась мне чуть роднее, чем была до этого. Я легко прошелся по ней, глубоко вдохнул воздух.

В ночь на четверг мне снились цветные сны. Я не запомнил ни одного из них, но ощущение цветности было настолько сильным, что, даже проснувшись, я все еще хотел закрыть глаза и продолжать смотреть их, эти незапоминающиеся сны.

Но надо было думать о другом. Надо было готовиться к вечеру.

Я принял ванну, побрился. ПогладилсЯ. Я собирался так тщательно, будто должен был быть свидетелем на свадьбе. Приготовив одежду на вечер, я засел за утренний кофе.

Вечер пришел незаметно.

Вообще 4 часа дня можно было называть «вечером» только осенью или зимой.

Оставалось два часа жизни, и не было необходимости спе-

шить, чтобы закончить какие-то дела. Не было дел, ни законченных, ни других. Все было завершено или же не нуждалось в завершении. И чувствовал я себя чуть ли не возвышенно – я наконец мог поверить в себя, в свою способность быть решительным и хладнокровным. Может быть, ради этого и не стоило организовывать трагический моноспектакль, но ведь задумал я его не для проверки своих способностей, а то, что способности все-таки «проверились», меня только радовало.

В карман куртки перед тем как выйти я положил паспорт, написанное письмо. Постоял в коридоре, размышляя, что еще взять с собой, чтобы тем, кто будет выворачивать карманы у покойника, было бы что вытащить и принять за ключ к разгадке преступления. Но в голову ничего не приходило.

На прощанье я хлопнул дверью и тут же почувствовал неловкость жеста.

Видно, все-таки я нервничал.

На улице было сумрачно и прохладно.

Выйдя на Контрактовой площади из метро, я остановился у памятника Сковороде. Посмотрел на сидящие вокруг него на лавочках парочки – что за странное место для зачинающихся романов и коротких лавсторий? Может, дух первого украинского буддиста Сковороды все еще витал над этим местом, привлекая сюда молодежь. Дух даже не столько буддиста, сколько первого отечественного хиппи, прошедшего пешком всю Украину и ее российские окрестности. Вот он, официально неосознанный идеал для новой украинской мо-

лодежи. Поднять бы его образ над массами молодых трудящихся, и пошли бы миллионы пешком по Украине и ее российским окрестностям!

Но время шло, и мне захотелось успеть выпить кофе. Благородная мысль – для некурящего нет смысла выкуривать последнюю сигарету, но для завсегдатая кофеен последняя двойная половинка кофе – это святое!

Меня обогнал трамвай, разливая по сумрачной Братской улице желтый жидкий цвет, который тут же впитывался в асфальт. Он повернул к Днепру, и снова стало темно. Только одиноко горящие окна домов выставляли свой слабый свет на улицу.

Оставался еще один квартал и полчаса времени.

Я замедлил шаг. На кофе мне понадобится не больше десяти минут.

Но кварталы на Подоле почти игрушечные – как не замедляй шаг, а через несколько шагов квартал заканчивается.

Я вошел в кафе. Тихо пел в его стенах Шуфутинский. Тихо потому, что звук был максимально прикручен. Мое место было свободно. В первом зальчике сидела компашка мужиков и распивала водку. Одна парочка прижималась друг к другу за угловым столиком. Из второго зала раздавался какой-то шум. Я взял свою половинку и сел на давно выбранное место. Снял с руки часы и положил перед собой. Пил кофе, хороший крепкий кофе. Будто «кофейница» знала, что это моя последняя чашка, и постаралась сварить кофе по-

лучше.

Оставалось пятнадцать минут жизни.

Я почувствовал, что у меня дрожат руки.

В кафе зашли две девчонки, заказали по пятьдесят граммов ликера.

– Только быстро, – предупредила их «кофейница». – Я сегодня раньше закрываюсь – у сына день рождения.

Я снова глянул на часы – без двенадцати шесть.

Допил кофе и взял еще одну половинку.

– Чего это у тебя руки дрожат? – спросила «кофейница». – Перебрал вчера?

Я кивнул, не желая участвовать в ее участии.

– Тебе не кофе надо, а чего покрепче, – посоветовала она. – Возьми «Кеглевича»!

– Денег нет.

– Тебе в кредит дам, – сказала она и налила мне сто граммов.

– Спасибо, – я взял кофе и сто граммов и вернулся за свой столик.

Было без пяти шесть, когда «кофейница» занервничала и стала всех торопить и выпроваживать. Мужики допили водку и без пререканий гурьбой вывалили на улицу. Из второго зала тоже вышли всякие люди в подпитии.

Я смотрел примерзшим взглядом на открытые двери, в которые все выходили, но никто не входил.

– Ну давай, не задерживай! – «Кофейница» стояла рядом,

надо мной.

Я оглянулся – кроме меня и ее, в кафе больше никого не было.

– Я к тебе по-человечески, и ты тоже, пожалуйста, будь человеком, – дружелюбно говорила она. – У меня Васе сегодня восемнадцать. Надо успеть салаты сделать...

Я кивнул, доглотнул «Кеглевича», запил последним глотком кофе и пошел к выходу.

Уже «выплыв» лицом на улицу, я столкнулся с парнем в короткой кожаной куртке. Он хотел войти.

– Все! – крикнула ему «кофейница». – Закрыто.

Пропустив его на порог кафе, я отошел в сторону и с улицы слушал их разговор.

– Ну хотя бы сто граммов! – просил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.